

НАРТСКИЕ ПЕСНИ И СКАЗАНИЯ КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ

ТАНЗИЛЯ МУСАЕВНА ХАДЖИЕВА

(Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН:
121069, Россия, Москва, ул. Поварская, д. 25а)

Аннотация. В данной статье рассматривается нартский эпос карачаевцев и балкарцев, который является одной из основных национальных версий общекавказской Нартиады. У карачаевцев и балкарцев, как и у других носителей «Нартиады», нартские песни и сказания составляют ряд больших и малых циклов. Каждый цикл — это группа небольших по объему сказаний и песен о появлении на земле нартского племени; о различных этапах и событиях эпической жизни героев (рождение, богатырское детство, первый подвиг, женьитба, борьба с мифическими чудовищами, с кровником и т. д.). Специфика изображения нартских героев обусловлена героико-эпической эстетикой древнего эпоса. Идеализация большинства из них начинается уже с описания их рождения и детства. Мотив божественного и чудесного рождения связан с образами всех основных нартских героев. Главная эпическая тема карачаево-балкарских песен и сказаний — борьба нартов с мифологическими чудовищами-эмегенами. Эмегены — источник зла и хаоса на земле, и чтобы очистить от них землю, Бог создает нартов, которые ведут с ними непрерывную борьбу до их полного уничтожения. На большом материале показано, что карачаево-балкарская версия «Нартиады» — композиционно разработанный и завершённый эпос: в нем воссоздана жизнь не только героев, связанных с архаическим слоем эпика (Дебет, Сатанай, Ёрюзмек, Сосурук, Карашауай), но и всего нартского племени от его появления на земле до гибели или переселения его на небо и в подземный мир. При этом мотивировка переселения этих героев не только четко определена, но и взаимосвязана со всем сюжетно-тематическим комплексом эпоса: они покидают землю после выполнения своих миссий — Дебет и Сатанай, с именами которых связано время «первопредметов» и «первобытий», исполнив свои цивилизующие функции, а Ёрюзмек — уничтожив зло на земле («культурные деяния богатырского плана»).

Ключевые слова: Нартский эпос, карачаевцы, балкарцы, циклы песен и сказаний, чудесное рождение, Теири, эмегены-великаны.

Карачаево-балкарская «Нартиада» — одна из основных национальных версий общекавказского нартского эпоса¹. Сказания о нартах, которые относятся к архаическому типу эпоса, известны многим кавказским народам: осетинам, адыгам, абхазам, ингушам и чеченцам, карачаевцам и балкарцам.

¹ Балкарцы и карачаевцы — два близкородственных народа с единым языком и традиционной культурой. Они издревле населяют центральные и западные районы Северного Кавказа в верховьях Терека и Кубани, в современных границах Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской Республик. Карачаево-балкарский язык относится к западной группе тюркских языков, в которой он вместе с кумыкским, крымско-татарским и караимским составляет особую (кыпчако-половецкую) подгруппу кыпчакских языков.

Нартские сюжеты фрагментарно встречаются и в фольклоре народов Дагестана, у сванов и рачинцев. «Существенная особенность нартского эпоса состоит в том, что его версии, бытующие у разных народов, имеют общие черты: единое именование эпических героев “нартами”, общие имена центральных героев и связанные с ними сюжеты. Вместе с тем в каждой версии есть персонажи, известные только ей. Существенны также различия и в поэтике каждой версии нартского эпоса, своеобразно сочетающей общекавказские черты с традициями фольклора того или другого народа» [Алиева 2012, 12—13]. Так, в частности, в карачаево-балкарской версии кавказские и локальные самобытные эпические традиции сочетаются с эпической традицией тюркских и монгольских

народов. Если кавказские традиции объясняются кавказским субстратом и типологическим единством, то тюрко-монгольские параллели помимо типологического сходства обусловлены генетической общностью, этническим и языковым родством, общей эпической архаикой.

Благодаря стихотворно-песенной форме существования в эпосе карачаевцев и балкарцев произошла консервация многих архаических элементов, которую подчеркивали многие исследователи «Нартиады». Так, С.-А. Урусбиев в 1881 г. в «Предисловии» к нартским сказаниям балкарцев отмечал, что нартские сказания горских племен Кавказа, «переходя из уст одного поколения к другому, <...> претерпевали некоторые изменения в частности, но ни у одного из этих племен не сохранилось преданий, восходящих к более отдаленным временам, чем эти» [Урусбиев 1881, 1]. М. В. Рклицкий, говоря об инновациях в осетинском эпосе, писал, «что испорченные... несуразностями места сказаний (осетин. — Т. Х.) восстанавливаются до некоторой степени в наиболее сохранившихся от этих влияний сказаниях балкарцев» [Рклицкий 1927, 28]. Сохранность карачаево-балкарских сказаний в свое время отметил и Б. К. Далгат [Далгат 1901, 85]. Консервации архаических реалий в эпосе карачаевцев и балкарцев способствовало и то, что на протяжении длительного времени они жили высоко в горах в относительной этногеографической изоляции [Лайпанов 1957; Лавров 1939, 1969; Батчаев 1986].

Анализируемая версия «Нартиады» — композиционно разработанный и завершённый эпос: в нем воссоздана жизнь не только героев, связанных с архаическим слоем эпики (Дебет, Сатанай, Ёрюзмек, Сосурук, Карашауай)², но и всего нартского племени от его появления на земле до гибели (по одним вариантам нартских песен и сказаний) или переселения его на небо и в подземный мир (по другим вариантам).

² Имена нартских героев в статье приводятся в той огласовке, в которой они даются в публикациях дореволюционных и современных издателей и в полевых материалах собирателей.

У карачаевцев и балкарцев, как и у других народов — носителей «Нартиады», сказания составляют ряд больших и малых циклов. Каждый цикл — это группа небольших по объёму сказаний и песен о появлении на земле нартского племени; о различных этапах и событиях эпической жизни героев (рождение, богатырское детство, первый подвиг, женитьба, борьба с мифическими чудовищами, с кровником и т.д.). В рассматриваемом эпосе циклы образуются из ряда сказаний, группирующихся вокруг имен нартских героев по биографическому (Ёрюзмек и Сатанай; Сосурук) или генеалогическому принципу (Дебет — Алауган — Карашауай; Ачей — Ачемез, сын Ачей; Бёдене — Рачыкау). «Малые» циклы складывались из сказаний и песен о нартских героях, с именами которых связано небольшое количество сюжетов и чьи эпические «биографии» детально не разработаны (Чюерди, Шырдан и Нёгер, Сибильчи и др.).

Каждый цикл представляет собой достаточно самостоятельную и законченную группу сказаний, однако все они взаимосвязаны (а иногда даже взаимообусловлены). В целом же карачаево-балкарская версия «Нартиады» — композиционно разработанный и завершённый эпос: в нем воссоздана жизнь нартского племени от его появления на земле до гибели или переселения его на небо или в подземный мир. С.-А. Урусбиев подчеркивал, что «сказания о нартах кажутся на первый взгляд не имеющими между собою ничего общего, но при ближайшем рассмотрении нельзя не заметить внутренней связи между ними, как бы между частями одной эпической поэмы» [Урусбиев 1981, VIII].

Согласно карачаево-балкарским сказаниям, сотворение мира и нартов связано с деятельностью богов — Тейри (Тенгри) Земли, Тейри Солнца и Тейри Неба, принимающих самое активное участие не только в судьбе нартских героев, но и в процессе сотворения мира. В сказании «Тейри и нарты» говорится: *«Кюн Тейриси кюнню жаратханды. Жер-Тейриси жерни жаратханды. Ючюнчюге тенгизле жаратылгандыла. Кёк бла жер жаратылгандан сора экисини ортасында адам улу жаратылганды»* [Нарты

1994, 68] (Тейри Солнца сотворил солнце, Тейри Земли сотворил землю. Моря были сотворены в третью очередь. Когда были сотворены небо и земля, между ними были сотворены люди³).

В сказании «Про первого нарта Дебета Золотого», где подробно описывается эпоха Первотворения, Бог из частей своего тела создает не только вселенную, но и первочеловека — нартского кузнеца Дебета [Там же, 304]. А в эпическом тексте «Тейри» нарты сами говорят о своем божественном происхождении: «*Нарта бары жаратылдыкь, Тейри, къанындан, // Нартха ётдю хар бир жигинг санындан*» [Там же, 283] (В нартах течет твоя кровь, Тейри, // Нарты — часть твоей плоти).

Характеризуя карачаево-балкарских нартских героев, С.-А. Урусбиев писал: «Нарты были народ огромного роста и необъятной силы, народ, закаленный в перенесении трудностей и лишений. Они проводили жизнь свою главным образом в искании опасностей и приключений, в набегах с целью добычи, а также в особых странствиях, называвшихся джортууулами... Все, что доставалось без особого труда, не соединялось с опасностями, было им противно... они искали таких приключений, в которых им можно было бы во всю ширь выказать свою удаль и силу... В свободное от джортууулов время нарты устраивали увеселительные собрания, на которых предавались богатырским играм и танцам» [Урусбиев 1881, II].

Нарты — воплощение геройства и мужества. В сказании «Рождение Сосурука» говорится: «*Ала къоркъакълыкъны, ёлюмню билмегендиле. Жаулары бла урушда ким ёлседа, ол Тейрини жууугъууна саналганды... Обасыны тегерегине, гюрен айланьт, тепсегендиле. Батыр болурга, жаудан артха турмазгъа Кёк, Жер, Суу, От тейриле бла ант, тоба этгендиле*» [Нарты 1994, 118] (Они не ведали, что такое страх, и не боялись смерти. Того, кто умирал в битве с врагом, они считали родственником Тейри... Кружась в танце вокруг могилы, они клялись именами Тейри Неба, Тейри Земли, Тейри Воды и Тейри Огня быть смелыми и не отступать перед врагом).

Специфика изображения нартских героев обусловлена героико-эпической эстетикой древнего эпоса. Идеализация большинства из них начинается уже с описания их рождения и детства. В исследуемом эпосе мотив божественного и чудесного рождения связан с образами всех основных нартских героев. Так, в одном из вариантов сказаний о рождении нартского кузнеца Дебета, как мы указали выше, он сотворен Богом, в другом, основанном на древнейших мифологических представлениях, он — сын Тейри Неба и Тейри Земли; Сатанай — дочь Солнца и Луны; Ёрюзбек появился из хвостатой звезды, упавшей на землю; Сосурук — сын камня; Карашауай — внук Дебета, а мать его — эмегенша (великанша).

С мотивами чудесного рождения нартских героев связаны и другие постоянные архаические общенартские мотивы: фантастически быстрый рост, богатырское детство, первый подвиг и т.д. Мотив божественного или чудесного рождения предопределяет и необыкновенность, исключительность героев (сердце и кровь Дебета из огня, он понимает язык огня, камней, зверей и птиц и т.д.; прекрасная Сатанай — чародейка и провидица; Карашауай подвластна стихии холода, он и его богатырский конь Гемуда могут менять свой облик).

Нартские герои наделяются не только различными сверхъестественными способностями, они обладают и чудесными предметами: например, бочонок (чаша) Агуна, котел о 40 ушках, меч Ёрюзмека, талисман Чюерды, а также имеют волшебных помощников (чаще всего это богатырский конь нартского героя). Все эти качества героев и предметов, которыми они обладают, необходимы нартам в борьбе с различными враждебными существами.

«Миссия очищения земли от чудовищ — своеобразная, характерная для архаической стадии героического эпоса форма выражения коллективного пафоса» [Мелетинский 1983, 47]. В исследуемой версии «Нартиады» главная эпическая тема — борьба нартов с мифологическими великанами-эмегенами. Страна эмегенов обычно локализуется за пределами нартского Космоса (чаще

³ Здесь и далее перевод автора.

всего на Севере). Они обитают в пещерах горы Каф (Куф, Куфские горы), находящейся на краю земли. Эти чудовища живут и в подземном царстве [Нарты 1994, 383], а в сказании «Нарт Карашауай и Гемуда» речь идет и о морских эмегенах [Там же, 451].

С.-А. Урусбиев так характеризует эмегенов: «Наряду с нартами предания упоминают о великанах-эмегенах, отличающихся, как и те, огромной физической силой и гигантским ростом и вместе с этим глупостью, у которых не было никакой сообразительности и хитрости. По некоторым сказаниям, у них было много голов и один глаз во лбу...» [Нарты 1994, 600]. Эмегены — источник зла и хаоса на земле. Быстро размножаясь, эти ненасытные чудовища пожирают все живое, и, чтобы очистить от них землю, Бог создает нартов [Нарты 1994, 305, 596]. В эпосе почти все основные герои — Ёрюзмек, Сосурук, Алауган, Карашауай, Чюерди, Рачыкау и даже Сатанай [Дрягин 1930; Нарты 1994, 347] — ведут постоянную борьбу с ними. Главным истребителем эмегенов является нарт Ёрюзек. У него, как и у других подобных ему эпических героев (Гильгамеша, Тора, Амирани, Нюргун-Боотура, героев бурятских улигеров и др.), задача одна — уничтожение чудовищ, которые нарушают мирную жизнь его племени.

В карачаево-балкарском нартском эпосе центральное место занимает **цикл о Ёрюзмеке и Сатанай**, в котором различные эпизоды из их «эпических биографий» разработаны во всех деталях.

Ёрюзек в эпосе предстает не только как «вождь, муж и старец» [Дюмезиль 1976, 51], но и как могучий богатырь — предводитель нартских воинов: «*Нарты перед джортуулами* — походами собирались у Урызмек и уж тогда оттуда отправлялись в странствия под его предводительством»⁴ [Нарты 1994, 465]. В нартских песнях и сказаниях его устойчивые эпитеты: деу (исполин); алф (герой, богатырь, победитель); тёбе санлы (курганоподобный); пелиуан (богатырь) и т.д.

⁴ Здесь и далее, если примеры даются только на русском языке, они цитируются по дореволюционным публикациям карачаево-балкарских нартских сказаний, которые были изданы только в переводе.

В одних сказаниях о детстве Ёрюзмек он — сирота [Там же, 308, 309], в других указывается, из какого он рода [Там же, 320—325]. В варианте же Н. П. Тульчинского Ёрюзек *«в горах родился, на плоскости воспитан»* [Там же, 320]. А в сказании «Рождение Ёрюзмек» говорится, что однажды кузнец Дебет в горах увидел, как с неба на землю упала большая хвостатая звезда. Когда он пришел к месту ее падения, увидел расколовшийся надвое большой синий камень: между этих обломков лежал младенец-богатырь, который *«бир мазаллы бёрюню къаты тутуп эме эди»* [Там же, 74] (крепко схватив громадную волчицу, сосал ее молоко).

Первый подвиг юного Ёрюзмек — победа над божеством нартов, «всемогущим» Фуком/Пуком, который обложил их «непосильной данью». Во всех вариантах нартских песен и сказаний о борьбе Ёрюзмек с Рыжим Фуком очень четко проявляется гетерогенность образа Фука: наряду с чертами мифологического метеорологического божества нартов в нем присутствуют и черты князька-феодала, сложившиеся в более поздний период.

Спасаясь от преследования Ёрюзмек, Фук улетает на небо: *«Так как Фук был Бог, то он, разгневавшись на нартов, задержал дожди; произошла сильная засуха, хлеба перестали цвести, деревья стояли без листьев, животные не плодились, женщины не рожали. Наступило для нартов тяжелое время»* [Нарты 1994, 322]. По совету Сатанай Ёрюзмек зарядил в пушку, выстрелил в небо, и он очутился в небесной крепости, замке Фука⁵. Здесь, по одним вариантам, он хитростью легко убивает врага, по другим — побеждает в трудной богатырской схватке.

Подвиг Ёрюзмек в исследуемом эпосе не менее значителен для жителей нартской страны, чем подвиг Сосурука, добывшего огонь у эмегена для замерзающих нартов. Убив злого Фука, наславшего на нартов засуху, голод и бесплодие, Ёрюзек возвратил жизнь

⁵ В одном из вариантов Ёрюзек попадает в небесное жилище Фука при помощи бурдюка, наполненного воздухом [Там же, 311], а в другом — при помощи джелим-топа — воздушного шара [Там же, 319].

нартской земле, и поэтому можно сказать, что его подвиг имеет общенартское значение.

Во всех вариантах нартских песен и сказаний о том, как Сатанай спасла Ёрюзмека от смерти во время «пира с западной», Ёрюзбек одерживает победу над своими врагами благодаря советам и помощи своей мудрой и вешей супруги [Нарты 1994, 329, 330, 332]. В сказаниях же о борьбе Ёрюзмека с эмегенами, в которых наиболее полно реализуется основная тема Нартиады — борьба и подвиг, он выступает отважным и неутомимым воином («Три нарта и три эмегена» [Нарты 1994, 486], «Как нарты покинули землю» [Нарты 1994, 592]).

В карачаево-балкарском цикле о Ёрюзмеке и Сатанай значительное место занимают нартские песни и сказания об их супружеской жизни. Они составляют две сюжетные группы: «Как Ёрюзбек хотел жениться на бесовке» и «Как хотели соблазнить Сатанай».

В рассматриваемом эпосе, как и в других национальных версиях, подчёркивается исключительное место Сатанай в нартском обществе. Несмотря на то что Ёрюзбек — предводитель нартов, почти во всех сказаниях он ничего не делает без совета и благословения Сатанай. Не только Ёрюзбек, но и все жители нартской земли — «*лишь исполнители ее воли и советов*» [Урусбиева 1979, 48]. Лучезарная, ослепляющая красота [Нарты 1994, 306, 572], универсальность функций и культ Сатанай, вероятно, связаны с ее небесным происхождением: «*Кюндю Сатанайны атасы, // Айды аны тапхан татлы анасы. // Айдан аны Тенгиз Тейри урлагъанды*» [Нарты 1994, 71] (Солнце — отец Сатанай, // Луна — родившая ее любимая (сладкая) мать. // У Луны ее Тейри моря похитил) и отдал на воспитание Матери Воды — Суу анасы. «*Сатанай, Желмауздан къачып, нарт элине келгенди, анда ол нартланьы бек жигит эм къарьулу батырлары Ёрюзбекни къатыны болгъанды*» [Там же, 299] (Сбежав от Тейри моря, Сатанай пришла в страну нартов и вышла там замуж за самого смелого и сильного среди нартов — Ёрюзмека и стала матерью нартов).

А по сказанию, записанному Н. М. Дрягиным в 1930 г. в Балкарии, она «первая пионерка, пришедшая под Эльбрус со стороны Кубани, разогнавшая чудовищ эмегенов <...>, славная прародительница Шауая, Алаугана и Сосурука» [Дрягин 1930, 28].

Помимо культа матери-прародительницы в ее образе, несомненно, прослеживается и культ некоей астральной богини предков карачаевцев и балкарцев, связанной с их солярными и лунными мифами. Кроме этого мы считаем, что в ее образе нашли отражение и их представления о матери-земле. Наверное, поэтому функции этой мудрой, вешей чародейки универсальны: она исцелительница и покровительница, советчица и помощница всех нартов, восприемница и воспитательница Сосурука и Карашауая. В сказаниях на сюжет о рождении Сосурука один из постоянных эпитетов Сатанай — *каратон* (бездетная). Нам кажется, что ее бездетность эпически предопределена: в силу того что Сатанай сконцентрировала в себе ряд культов древних карачаевцев и балкарцев, она должна заботиться обо всех нартских героях и покровительствовать им всем. Свидетельство тому — отсутствие в рассматриваемом эпосе сказаний, где бы она причинила зло кому-нибудь из нартского племени.

В эпосе она предстает всемогущей чародейкой: создает иллюзию звездного неба, может не только сама перевоплощаться в иной образ, но делает это и с другими, владеет магией слова и т. д. Ясновидение Сатанай — ее обязательный знак, о чем свидетельствуют и такие ее постоянные определения, как *билгич, куртха, хар затны билиучу, обур* (вещая, ведунья, всезнающая, ясновидящая).

Деятельность Сатанай, как и деятельность кузнеца Дебета, имеет общенартское значение: в большинстве нартских песен и сказаний подчеркивается, что нарты уничтожили всех своих врагов на земле благодаря советам и помощи Сатанай и мастерству кузнеца Дебета.

В цикле о Сосуруке/Сосурке во всех национальных версиях «Нартиады» с его именем связаны и детально разра-

ботаны такие традиционные сюжеты, как «рождение героя из камня», «возвращение огня» и др. При этом некоторые мотивы в сказаниях на эти сюжеты имеют свою оригинальную интерпретацию. Так, в карачаево-балкарской редакции сюжета о рождении Сосурука Сатанай, извлекая его из камня и перерезая ему пуповину, совершает магический обряд и заклинает Тейри Неба, Тейри Земли, Тейри Воды и Тейри Огня покровительствовать ее сыну.

Анализ всей совокупности вариантов сказания о добывании Сосуруком огня показал, что в них основные сюжетные звенья совпадают с аналогичными сказаниями других национальных версий. Однако в некоторых вариантах встречаются и существенные отличия. Например, помимо сказаний с традиционной мотивировкой поездки Сосурука за огнем (нартских воинов в пути настигает лютой мороз, у них нет огня, и им грозит гибель) имеется вариант, в котором эта мотивировка носит локальный характер: *«Эртте заманлада нартла от тамызабыз деселе, уллу кэуру тереклени тамырлары бла кэобарын, аланы кюнню кэзюне тутуп кэабындыргандыла, не да кёкден садакь бла жулдузну тюшюрюп, алай от этип тургандыла. Ма ол заманлада, бир сууукь кышланы биринде, нарт элни битеу батырлары жортуулугьа кетгендиле. Нартда жангыз онгуз кэартла, тиширьюла эм сабийле кэалганларын билип, эмегенле нарт элге чабыууллукь этгендиле. Бек кёп адамны, малын ашан, нартланы мекамларын чачын, отларын ёчюлтюп кетгендиле... Эмегенле, нартланы отлары болмаганларын билип, ала кюнден, не жулдузладан от тамызмасынла деп, жел кёрюклерин басып, битеу нарт элени жел алып кетеди дерча, боран этген эдиле»* [Нарты 1994, 118] (В древние времена нарты зажигали огонь так: они вырывали с корнем огромное сухое дерево и поджигали его, поднеся к глазу солнца, или разводили костер, сбив стрелой с неба звезду. Вот в те времена, однажды, в одну из суровых зим, все мужчины страны нартов отправились в поход. Узнав, что в стране нартов остались только старики, женщины и дети, эмегены напали на нартские аулы. Съев много людей и животных, они разру-

шили жилища нартов и ушли, потушив их очаги... Эмегены знали, что у нартов не осталось огня. И чтобы те не развели огонь от солнца или звезды, они своим жел кёрюком — волшебными кузнечными мехами подняли такой буран, что казалось, он сметет с лица земли всю страну нартов). И тогда Сатанай отправляет юного Сосурука украсть огонь у эмегенов.

Если в традиционных сказаниях на сюжет «Возвращение огня замерзающим нартским воинам» Сосурук спасает от гибели только нартов, которые отправились в поход, то в данном сказании он сохраняет жизнь всему племени нартов. Поэтому его подвиг приобретает общенартское значение.

Нетрадиционен и финал этого уникального сказания: нарты после возвращения Сосурука с огнем устраивают пир в его честь и поют величальную песню, прославляющую его подвиг. Отсутствие мотива величания героя в других версиях и наличие его также в варианте сказания о борьбе Ёрюзмека с Фуком (Пуком) позволяют предположить, что данный мотив восходит к древним тюрко-монгольским славословиям (магталам) в честь героя.

Следует отметить, что сюжетобразующие мотивы рассматриваемого сказания — игры Сосурука с великаном, смерть от своего оружия, предсмертная хитрость великана — традиционны не только для общекавказской Нартиады. Они широко представлены в эпической традиции некоторых тюркских народов [Радлов 1866, 29—58; Никифоров 1915, 107—127; Суразаков 1985, 41; Башилов 1997].

В публикации В. В. Радлова «Ак-Кобэк» помимо мотива предсмертной хитрости великана встречаются яркие параллели с мотивом игр Сосурука с великаном: *«Из войска Кидэна выходит на бой с Ак-Кобэком богатырь Салар-Казан. Ак-Кобэк не открылся ему, выдал себя за повара Ак-Кобэка. Салар-Казан узнает от него, на какие чудотворства способен Ак-Кобэк, и два указанных чуда тотчас же исполняет: жует раскаленные стрелы и выплевывает, принимает на голову скатанный с горы камень. Третье чудо мнимый повар описал так: Ак-Кобэк входит в воду, я замораживаю*

воду, образуется лед в шесть сажень толщиной, Ак-Кобэж поднимает лед и относит на вершину горы. ... Салар-Казан садится в воду по шею, Ак-Кобэж замораживает лед и только тогда открывает Салар-Казану свое имя; Салар-Казан не может поднять льда. Ак-Кобэж отрубает ему голову» [Потанин 1899, 669]. В своем примечании к этому тексту Г. Н. Потанин писал: «В кавказской сказке о Сосырыко великан глотает раскаленное железо, катает камень в гору и замерзает в озере» [Шанаев 1871, 53]. «Сосырыхо на месте Ак-Кобэжа, великан отвечает Салар-Казану или Самыр-Казану» [Потанин 1899, 670]. В работе «Тангутско-Тибетская окраина Китая» Г. Н. Потанин, отметив сходство между Сосуруком и Ак-Кобэком, приводит еще несколько параллелей с циклом Сосурука и с другими циклами нартского эпоса из сказаний степного фольклора [Потанин 1893, 121—125].

К мотиву «игры героя с великаном» обратился и известный турецкий фольклорист П. Н. Боратав. В одной из своих статей, отметив, что опубликованные В. В. Радловым в «Proben» тексты составляют небольшой эпический цикл, сложившийся вокруг центрального персонажа Ак-Кёбёка, он подчеркивает, что сказания об этом герое бытуют в фольклоре многих тюркоязычных народов Средней Сибири и Алтая. «В южно-сибирских и алтайских повествованиях, — пишет Боратав, — которые мы проанализировали, имеется поразительное сходство с некоторыми рассказами эпического цикла нартов, общего для многих нетюркских народов Кавказа». Далее для сравнительного анализа он привлекает 17 вариантов сказаний о нарте Сосуруке/Созрыко/Сослане из кавказского героического эпоса «Нарты», одно из которых записано им самим в 1960 г. в деревне Язылькая от карачаевца Идриса Аяя, и четыре радловских текста об Ак-Кёбёке. В Приложении он дает три карачаевских сказания о нартском богатыре Сосуруке [Vorataw 1963, 86—105].

Обращаясь к работам Г. Н. Потанина, мы, конечно, учитываем, что в его довольно разнообразных параллелях нартского эпоса с эпическим

творчеством тюрко-монгольских народов встречаются случаи, когда ученый привлекал и к общенартские мотивы, сюжеты и т. д. Однако в целом, мы думаем, использование в качестве сравнительного материала богатого фольклорного наследия народов Южной Сибири и Центральной Азии, опубликованного Г. Н. Потаниным, а также труды В. В. Радлова, Н. Я. Никифорова, Б. Я. Владимирцова и других помогут, как пишет В. И. Абаев, «в деле выявления тюрко-монгольских элементов в нартском эпосе» [Абаев 1990. Кн. 1. С. 45].

В карачаево-балкарском эпосе Сосурук выступает также как избавитель нартов от исполинских пауков-людоедов. С его именем в этом сказании связывают и гибель эмегенов [Нарты 1994, 381]. Неумолимым истребителем многоголовых эмегенов, нарушающих мирную жизнь страны нартов, изображается Сосурук в сказании «Три нарта и три эмегена» [Там же, 486].

В отличие от других национальных версий, в которых «значительное место... отведено борьбе Сосурука/Сасрыквы против самих нартов» из-за того, что нарты «не признают его своим» [Шортанов 1969, 100], в карачаево-балкарском эпосе мотив антагонизма между Сосуруком и нартами практически отсутствует.

Если в осетинском эпосе Сосурук погибает от колеса Балсага/Ойнона, а в адыгском — от джан-шерха, то в анализируемом эпическом памятнике смертельно раненного нарта спасает вещая Сатанай [Нарты 1994, 387]. У карачаевцев и балкарцев бытуют свои оригинальные версии о смерти Сосурука. Например, в сказании «Смерть Сосурука» герой, преследуемый своими братьями, взбирается на высокую скалу. Когда он оттуда начинает угрожать им, те проклинают его, желая ему превратиться в камень. И тут же на их глазах Сосурук становится каменным изваянием. Здесь, на наш взгляд, налицо мотив, столь характерный для тюркской эпической традиции: «Умерший богатырь возвращается туда, откуда пришел» [Неклюдов 1984, 92].

Цикл «Дебет — Алауган — Карашауай» занимает важное место в карачаево-балкарском эпосе. Сказания

о Дебете наряду с сюжетной группой о рождении нартских героев являются наиболее архаичским пластом рассматриваемой версии. В образе карачаево-балкарского Дебета, как и осетинского кузнеца Курдалагона, адыгского Тлепша, абхазского Айнар-ижи, отразилась эпоха освоения кузнечного ремесла. Он, вероятно, может рассматриваться как развитие в эпическом контексте образа некоего мифологического существа или божества древних карачаевцев и балкарцев.

Подтверждение тому находим в самих сказаниях: согласно одним вариантам, он родился от священного брака неба и земли [Нарты 1994, 302], в других вариантах («Дебет и Ёрюзбек», «Рождение Деуэт-батыра») его отец — небожитель, а мать — нартская красавица Акбийче. В варианте из архива В. Миллера говорится, что Бог создал его из части своего сердца и он начал «нартов род могучий» [Нарты 1994, 304]. Как первопредка можно рассматривать Дебета и в сказании, опубликованном П. Остряковым [Нарты 1994, 305].

В карачаево-балкарском эпосе Дебет, как и Сатанай, наделен универсальными функциями. В сказаниях постоянно подчеркивается его роль первотворца: он первый на земле изготовил различные предметы быта, оружие и доспехи, подковал нартских коней и т. д. Дебет является также учителем нартов: он обучил «своих соплеменников ковать железо» [Там же, 304]. С именем Дебета связаны и такие космогонические мотивы, как появление звезд, звездопад [Там же, 596]. Мастерство Дебета в эпосе ценится и воспевается не меньше подвигов нартских героев, в сказаниях о нем оговаривается, что нарты не смогли бы победить своих врагов на земле без всеограшающего оружия Дебета и боевых коней, которых он подковывал.

В песнях и сказаниях, посвященных нартскому кузнецу: «Песня о нартском кузнеце Дебете», «Про первого нарта Дебета Золотого», «Дебет — небесный кузнец» [Нарты 1994, 392, 304, 596] в образе Дебета органически сочетаются «черты Бога, титана и человека» [Урусбиева 1979, 51], дается подробная

характеристика его внешнего облика, и при этом подчеркиваются его необычность, исключительность.

После ряда культурных деяний Дебет уходит от своего племени: «*ол., къанатлы арба ишлеп, кёкге кетгенди, дейдиле*» [Нарты 1994, 299] (он... сделал железную арбу с крыльями и улетел на ней на небо). В представлении народа Дебет бессмертен: «*ол анда кюн, кёк адамлагъа темирчи болуп, бюгон да туррады, сауду, дейдиле*» [Там же, 299] (на небе он — кузнец солнечных, небесных людей и поныне там живет).

В карачаево-балкарском эпосе у Дебета 19 сыновей, которых он женит, согласно обычаю, начиная с младшего. Следование этому обычаю во многом определило судьбу старшего сына Дебета — Алаугана: он состарился, пока очередь дошла до него, и «*сделался по-смеишем для всего народа*» [Там же, 404—417]. По другим вариантам, могучий исполин Алауган не может найти среди нартских женщин жену себе под стать. Поиски жены и его женитьба — основная сюжетная линия нартских песен и сказаний об Алаугане.

Во многих сказаниях Алауган изображается как богатырь фантастической силы, благодаря которой он выступает как неутомимый истребитель эмегенов [Там же, 396, 404]. Алауган отобрал у эмегенов и принес нартам волшебный котел о сорока ушках, в который «*мясо класть не надо, / Лишь воды налить да огонь разложить — / Мясом сорока быков он наполнится*» [Нарты 1994, 406].

В цикле «Дебет — Алауган — Карашауай», как и во всем эпосе карачаевцев и балкарцев, персонажи составляют два враждебных племени — нартов и эмегенов. Одна из самобытных черт этого цикла состоит в том, что именно в нем получил яркую художественную разработку мотив брачных связей между племенами-антагонистами. Алауган, женившись на дочери эмегенши (а в нартской песне «Алаутан» говорится, что герой отобрал у эмегена его жену), привозит ее в страну нартов. Но его чудовищная жена, (есть варианты, где она изображается пятиглавой) пожирает не только своих детей, но и чужих.

Опечаленный этим, старый Алауган, по совету Сатанай, во время очередных родов эмегенши выкрадывает ребенка и прячет его в ледниках Эльбруса⁶, где он и вырастает, вскормленный его ледяными сосульками (в варианте А. Н. Дьячкова-Тарасова — драконьим молоком [Дьячков-Тарасов 1898, 80]). Сказания о женитьбе Алаугана на эмегенше, о рождении Карашауая и его воспитании на Минги-Тау (Эльбрусе) — самобытные эпические тексты карачаево-балкарского эпоса, в которых превалируют богатырские мотивы⁷.

Сын Алаугана Карашауай не только ведет непримиримую борьбу с эмегенами [Нарты 1994, 462, 486] — с его именем связана и классическая тема мирового фольклора — змеборство: он сражается с огнедышащим многоголовым драконом, который в эпосе символизирует засуху, является хранителем воды. Карашауай, убив двенадцатиглавого дракона, «*всю страну освобождает от засухи*» [Там же, 431].

В анализируемом эпосе образу Карашауая присущи черты, соответствующие архаической идеализации героя: оборотничество, дар предвидения; он выступает и повелителем стужи [Там же, 463, 486, 477]. Богатырский конь Карашауая — Гемуда, который «*живет с того дня, как была сотворена земля, и не стареет*» [Там же, 441], предстает в эпосе как птица-конь-рыба. «*Ты — конь земли, воды и воздуха*», — говорит ему Карашауай в сказании «Карашауай испытывает Гемуду» [Нарты 1994, 440]. Действительно, для этого крылатого морского коня [Там же, 429, 430, 437, 438, 451] нет никаких пространственных границ.

Карашауай карачаево-балкарских сказаний неуязвим, непобедим и бессмертен. Эти качества Карашауая и его коня объясняются тем, что они пьют воду из родника с бессмертной водой на вершине Минги тау (Эльбруса).

⁶ В некоторых вариантах это делает Сатанай или мать Алаугана.

⁷ В отличие от сказаний о Дебете, где отразились различные мифологические представления предков карачаевцев и балкарцев, для сказаний о женитьбе Алаугана характерна сказочно-мифологическая интерпретация данного сюжета.

Традиционность, детальная разработанность цикла «Дебет — Алауган — Карашауай», самобытность его сказаний и песен, зафиксированных в большом числе вариантов, наличие значительного числа параллелей с эпосом тюркских народов и, наконец, указания нартоведов (М. Е. Талпа, Ю. С. Гаглойти, А. З. Холаев и др.) на завершенность этого цикла именно в карачаево-балкарской среде, дают основания говорить о его первичности в исследуемом эпическом памятнике.

Младшие герои. В карачаево-балкарском эпосе цикл о Рачыкау (аналогичен осетинскому Арахцау, сыну Бедзенага, адыгскому Пши Бадыноко, абхазскому Нарджхеу) составляют небольшое число нартских песен и сказаний. Впервые сказание о нем зафиксировал в 1879 г. С.-А. Урусбиев [Нарты 1994, 513]. В нем рассказана вся эпическая жизнь Рачыкау от его рождения до смерти (рождение, приезд к нартам, состязания перед чудесным бочонком «Агуна» и в танцах; осада крепости Гиляхсыртана; смерть). В этом сказании и в вариантах, записанных позднее, Рачыкау — сын служанки Сатанай (Ак бийче, Кырс бийче). Отцом его, по варианту С.-А. Урусбиева, является русский рыбак Бёдене, по другим вариантам — пастушонок Бёдене нартского пастуха Созуку (Соджука).

«Образ ребенка-мстителя чрезвычайно типичен для архаической эпики различных народов» [История литературы 1984, 471]. В карачаево-балкарской версии «Нартиады» песни и сказания, посвященные юному мстителю Ачемезу, сыну Ачея, очень популярны и бытуют по настоящее время. Во всех этих вариантах Ачемез мстит убийце своего отца (всего его рода) — алчному, злому Кубу (Хубуну, Губу, Тюклюсхану, Тюкleshу).

Герой обычно рождается после смерти своего отца. Эпическая отмеченность Ачемеза обнаруживается с самого его рождения (чудесный рост, богатырское детство). Как и все нартские герои, он обладает сверхъестественной физической силой. Во всех вариантах данного сказания наличествует мотив «незнания» об убийстве отца. Открытие тайны

происходит случайно, во время игры героя с детьми. Началом конфликтной ситуации является выведывание у матери имени убийцы отца (прижигание руки матери горячей кукурузой (халвой)). Он узнает у матери и местонахождение богатырского коня, и оружия отца. Храбрость, богатырская сила юного мстителя особенно ярко проявляются в его поединке с Кубу. В длительной борьбе Ачемез убивает своего кровника и увозит с собой его прекрасную жену. В карачаево-балкарской «Нартиаде» Ачемез умирает лишь в варианте А. Б. Боташева [Нарты 1994, 564].

В рассматриваемом эпосе бытуют и сказания, связанные с именами так называемых местных героев: Злоязычный Гиляхсыртан, Созар, Нёгер, Чюерди, Бора-Батыр и др. В них обычно развернут один сюжет. Образы этих героев «наглядно демонстрируют динамику развития эпоса, его дальнейшую историзацию» [Урусбиева 2003, 121].

Существование в карачаево-балкарском эпосе общекавказской, тюркской и локальной эпических традиций особенно ярко проявляется в сказаниях, повествующих о судьбе нартского племени после того, как оно уничтожило на земле всех своих врагов. Наряду со сказаниями, в которых, как и в других национальных версиях «Нартиады», речь идет о гибели нартского рода, имеются сказания, в которых говорится, что нарты, истребив всех своих врагов и чудовищ на земле, по велению Тейри покинули землю: одни из них улетели на небо на «ветрокрылых конях», другие ушли в подземное царство Тейри Земли.

Обращает на себя внимание и тот факт, что, хотя речь идет о переселении на небо большей части нартов, в исследуемом эпосе конкретно называются только имена Дебета [Нарты 1994, 596], Ёрюзмека [Там же, 592] и Сатанай [Там же, 597]. Это логически вытекает из связи этих героев с небом: они пришли на землю из верхнего мира и, как это присуще мифопоэтической традиции многих народов, по завершении своего краткого пребывания в земном мире «они возвращаются в собственный — верхний мир» [Мифы 1980, 233]. При

этом мотивировка переселения этих героев не только четко определена, но и взаимосвязана со всем сюжетно-тематическим комплексом эпоса карачаевцев и балкарцев: они покидают землю после выполнения своих миссий — Дебет и Сатанай, с именами которых связано время «первопредметов» и «перводействий», исполнив свои цивилизующие функции, а Ёрюзек — уничтожив зло на земле («культурные деяния богатырского плана»).

В сказании «Карашауай не умер, он жив», в котором повествуется о том, что Карашауай, истребив врагов нартов, покинул нартскую страну и поселился на Минги тау (Эльбрус), читаем: *«Къарашауай ары нек баргъанды?» — десегиз а, ол сабий заманында Минги тауну бугъейлери анга эмчек болуп, ол аланы эмпил ёсгени ючюн баргъанды. Къайда, къалай айланса да, къартайып тебиресе, адам туугъан, ёсген жерге тартынады, дейдиле»* [Нарты 1994, 212] (Почему же Карашауай вернулся туда, на Минги тау? — Он вернулся потому, что, когда был маленьким, ледники (сосульки) Минги тау были для него материнской грудью, он вскормлен ими. Говорят, что, где бы человек ни был и ни скитался, его к старости тянет туда, где он вырос. Вот поэтому он и вернулся на Минги тау). Возможно, что, согласно именно этому представлению карачаевцев и балкарцев, их нартские герои (причем герои, только связанные с архаическим слоем эпика), «возвращаются туда, откуда пришли»: Дебет, Сатанай и Ёрюзек — в небо, Сосурук — в камень, а Карашауай — на Минги тау (Эльбрус).

В народе до наших дней сохранилось представление о нартах не только как о реально существовавшем племени людей, но и как о предках карачаевцев и балкарцев. Названия многих мест в Карачае и Балкарии связывают с их именами. Еще до недавнего времени у этих мест совершали различные общественные обряды [Нарты 1994, 61]. В сознании людей с нартами ассоциируется не только понятие о воинской доблести. С их именами связываются и определенные категории духовной культуры. Показательно, что такие образцы народной мудрости, как пословицы, 105

поговорки, афоризмы у карачаевцев и балкарцев называются «нарт сёзле» — «слова нартов» / «нартские изречения».

В современном карачаево-балкарском языке слово «нарт» имеет не только значение «нарт», «герой», «богатырь», но и «древний», «мудрый», а пожилые карачаевцы и балкарцы «царство мертвых» называют «нарт дуния» — «мир нартов». По их представлениям, нарты, при своей жизни помогавшие людям и охранявшие мир и покой на земле, даже из «мира нартов» стараются помочь роду человеческому: «они смотрят на нас из мира мертвых, и, когда нас ожидает какое-нибудь несчастье», их «священные души... обратившись в орлов, воронов, в образы разных зверей», врываются с громким криком в ночные аулы и «оповещают людей о предстоящей беде» [Нарты 1994, 592].

Литература

- Абаев 1990 — *Абаев В. И.* Осетинский нартовский эпос // Нарты. Осетинский героический эпос в трех книгах. М., 1989—1991. Кн. 1.
- Алиева 2012 — *Алиева А. И.* Издание национальных версий нартовского эпоса в двуязычной академической серии «Эпос народов Европы и Азии» // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. Владикавказ, 2012. С. 6—20.
- Басилов 1997 — *Басилов В. Н.* Смерть Салыр-Газана (среднеазиатско-кавказские параллели) // Этнографическое обозрение. 1997. № 2. С. 38—49
- Батчаев 1986 — *Батчаев В. М.* Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1986.
- Далгат 1901 — *Далгат Б. К.* Страничка из Северо-Кавказского богатырского эпоса // Этнографическое обозрение. 1901. № 1. С. 35—85.
- Далгат 1988 — *Далгат У. Б.* Эпический историзм в развитии // Фольклор. Проблемы историзма. М., 1988. С. 72—99.
- Дрягин 1930 — *Дрягин Н. М.* Анализ нескольких карачаевских сказаний о борьбе нартов с еммечь в свете яфетической теории // Яфетический сборник. Л., 1930. Вып. 6. С. 18—34.
- Дьячков-Тарасов 1898 — *Дьячков-Тарасов А. Н.* Заметки о Карачае и карачаевцах // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1898. Вып. 25. Отд. 1. С. 49—90.
- Дюмезиль 1976 — *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М., 1976.
- История литературы 1984 — История всемирной литературы: в 9 т. Т. 2. М., 1984.
- Лавров 1939 — *Лавров Л. И.* Из поездки в Балкарию // Советская этнография. М., 1939. № 2. С. 175—181.
- Лавров 1969 — *Лавров Л. И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // КЭС. М., 1969. Т. 4. С. 55—120.
- Лайпанов 1957 — *Лайпанов Х. О.* К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957.
- Мелетинский 1983 — *Мелетинский Е. М.* Возникновение и ранние формы словесного искусства // История всемирной литературы: в 9 т. Т. 1. М., 1983. С. 23—52.
- Нарты 1994 — Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / сост. Р.А.-К. Ортабаева, Т. М. Хаджиева, А. З. Холаев; вступ. ст., коммент. и глоссарий Т. М. Хаджиевой. М., 1994.
- Никифоров 1915 — *Никифоров Н. Я.* Аносский сборник. Сборник сказок алтайцев / примеч. Г. Н. Потанина // Записки Западно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества. Омск, 1915. Т. XXXVII. С. 107—127.
- Остряков 1879 — *Остряков П.* Народная литература кабардинцев и ее образцы // Вестник Европы. СПб., 1879. Т. 4, кн. 8—9. С. 697—710.
- Петросян 1982 — *Петросян А. А.* История народа и его эпос. М., 1982.
- Потанин 1893 — *Потанин Г. Н.* Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. СПб., 1893. Т. 2.
- Потанин 1899 — *Потанин Г. Н.* Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899.
- Радлов 1866 — *Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен Южной Сибири и Дзунгарской степи. СПб., 1866. Ч. 1.
- Рклицкий 1927 — *Рклицкий М. В.* К вопросу о нартах и нартовских сказаниях // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ, 1927. Вып. 2.
- Рогаль-Левицкий 1928 — *Рогаль-Левицкий Д. М.* Карачаевская народная песня // Музыкальное образование. 1928. № 2. С. 53—57.
- Рогаль-Левицкий 1928 — *Рогаль-Левицкий Д. М.* Песенное творчество карачаевцев // Советское искусство. М., 1928. № 3.
- Суразаков 1985 — *Суразаков С. С.* Алтайский героический эпос. М., 1985.
- Урусбиев 1881 — *Урусбиев С.-А.* Сказания о нартовских богатырях у татар-горцев Пятигор-

ского округа Терской области // СМОМПК. Тифлис, 1881. Вып. 1. Отд. 2. С. 1—42.

Урусбиева 1979 — Урусбиева Ф. А. Карацеево-балкарский фольклор. Черкесск, 1979.

Урусбиева 2003 — Урусбиева Ф. А. Метафизика колеса. Вопросы тюркского культурогенеза. М., 2003.

Шанаев 1871 — Шанаев Дж. Нартовские сказания // ССКГ. 1871. Вып. 5.

Шортанов 1969 — Шортанов А. Т. Героический эпос адыгов «Нарты» // Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969. С. 188—225.

Шукин 1913 — Шукин И. Материалы для изучения карачаевцев // Русский антропологический журнал. М., 1913. № 1—2. Кн. XXXIII—XXXIV. С. 29—98.

Boratav 1963 — Boratav P. N. Ak-Köbök, Salur-Kazan et Sosurga. Un Motif de l'épopée oghouz et son rayonnement en Anatolie, au Caucase et en Asie Centrale par Pertev N. Boratav. L'Homme // «Revue, française d'anthropologie». Janvier—avril, 1963, p. 86—105. Vogt H. Dictionnaire de la Langue Oubykh. Oslo, 1963.

Сведения об авторе

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН: 121069, Россия, Москва, ул. Поварская, д. 25а, тел.: +7 (495) 697 13 89; e-mail: tanzila_@mail.ru

THE NART SONGS AND TALES OF KARACHAYS AND BALKARS

KHADZHIEVA TANZILYA

(The World Literature Institute named after A. M. Gor'kiy

of the Russian Academy of Sciences: Povarskaya st. 25a, Moscow, 121069, Russia)

Summary. This paper considers the Nart epic of the Karachays and Balkars, that presents one of the basic national versions of the Caucasian-wide entire Nartiade. Karachay and Balkar Nart Songs, as well as traditions appearing among other carriers of the Nart epic, form a range of large and small cycluses. Each cyclus comprises a group of small tales and songs about the origin of the Nart tribe there on the Earth, about different stages and events of the epic destinies of the heroes, namely birth, heroic childhood, the first heroic feat, wedding, struggle against mythical monsters and with sworn enemies. The specificity of the featuring of the Nart characters is determined by the heroic aesthetics of the ancient epic. The idealization of the majority of them starts with their birth and aethdhood. The motif of the Divine and miraculous birth regards the characters of all the main Nart heroes. The principal epic theme of the Karachay and Balkar songs and tales consists in the struggle between Narts and mythic Emegen-monsters. Emegens are the source of the evil and the chaos on Earth and the God has created Nart heroes, whose goal is to conduct unceasing struggle against them until their final extirpation in order to exorcise the world from them. Voluminous matter demonstrates, that the Karachay and Balkar version of the Nartiade presents a structurally elaborated and complete epic, that doesn't only recreate the destinies of the heroes, linked with the archaic layer, such as Debet, Satanaj, Yoryuzmek, Sosuruk, Karashauaj, but of the entire Nart tribe beginning with its origin up to perdition or removal to the Heaven or to the subterranean world. The reason for the heroes' removal is not only determined strictly, but also connected with the entire plot and theme network of the epic. They abandon the Earth after the coronation of their mission: Debet and Satanaj, who are related with the primeval objects and acts, have committed their civilizing mission, Yoryuzmek after extirpation of the Evil.

Key words: Nart epic, Karachays, Balkars, cyclus of songs and tales, marvelous birth, "emegen"-giants.

Literature

Abaev V. I. Ossetian Nart Epic. *The Narts. Ossetian Heroic Epic in 3 books.* Moscow, 1989—1991. Book 1. (in Russ.).

Alieva A. I. Edition of the National Versions of the Nart Epic within the Bilingual Academic "The Epic of the peoples of Europe and

Asia" — Series. *The Studies in Narts in the 21st Century: Modern Paradigms and Interpretations.* Vladikavkaz, 2012. Pp. 6—20. (in Russ.).

Boratav P. N. Ak-Köbök, Salur-Kazan et Sosurga. Un Motif de l'épopée oghouz et son rayonnement en Anatolie, au Caucase et en Asie Centrale par Pertev N. Boratav. L'Homme. 107

Revue, française d'anthropologie. Janvier—avril. 1963. Pp. 86—105. Vogt H. Dictionnaire de la Langue Oubykh. Oslo, 1963.

Basilov V. N. The Death of the Salyr-Gazan: Parallels between Epics of Central Asia and Caucasus. *The Ethnographic Review*. 1997. № 2. Pp. 38—49. (in Russ.).

Batchaev V. M. About the History of the Traditional Culture of Balkars and Karachays. *Nal'chik*, 1986. (in Russ.).

Dalgat B. K. One Page from the Northern-Caucasian Heroic Epic. *The Ethnographic Review*. 1901. № 1. Pp. 35—85. (in Russ.).

Dalgat U. B. The Epic Historicism in Development. *Folklore. The Problems of Historicism*. Moscow, 1998. Pp. 72—99. (in Russ.).

Dryagin N. M. Analysis of several Karachay Tales about the Struggle of the Narts against the “Yemmech” in the light of the Japhetic Theory. *The Japhetic Miscellanea*. L., 1930. Issue 6. Pp. 18—34. (in Russ.).

D'yachkov-Tarasov A. N. Notes upon Karachay and Karachay people. *Miscellanea of data, characterizing the Localities and Tribes of the Caucasia*. Tiflis, 1898. Issue 25. Dep. 1. Pp. 49—90. (in Russ.).

Dumižil Georges. The Ossetian Epic and Mythology. Moscow, 1976. (in Russ.).

The History of World Literature. In 9 volumes. Volume 2. Moscow, 1984. (in Russ.).

Lavrov L. I. About the trip to Balkaria. *The Soviet Ehtnography*. Moscow, 1939. № 2. Pp. 175—181. (in Russ.).

Lavrov I. I. Karachay and Balkaria up to the 1830-iet. Moscow, 1969. Volume 4. Pp. 55—120. (in Russ.).

Laipanov X. O. About the History of the Karachays and Balkars. Cherkessk, 1957. (in Russ.).

Meletinskii E. M. The Origin and the Early forms of the Verbal Art. *The History of World Literature*. In 9 volumes. Moscow, 1983. Volume 1. Pp. 23—52. (in Russ.).

Narts. The Heroic Epic of the Balkars and Karachays. Compiled by R. A-k. Ortabaeva, T. M. Xadzhieva. The preface, comments and glossary by T. M. Xadzhieva. Moscow, 1994. (in Russ.).

Nikiforov N. Ya. The Anosskij Miscellanea. The Collection of the Altaian Tales, with G. N. Potanin's Remarks. *The Proceedings of*

the Western-Siberian Department of the Emperor Russian Geographical Society. Omsk, 1915. Volume XXXVII. Pp. 107—127. (in Russ.).

Ostryakov P. The Folk Literature by Kabardians and its Samples. *The Herald of the Europe*. S.-Pb., 1879. Volume 4. Books 8—9. Pp. 697—710. (in Russ.).

Petrosyan A. A. The History of the People and its Epic. Moscow, 1982. (in Russ.).

Potanin G. N. The Tangut-Tibetian Margin of China and the Central Mongolia. S.-Pb., 1893. Volume 2. (in Russ.).

Potanin G. N. Oriental motifs of the European epic of the Middle Ages. Moscow, 1989. (in Russ.).

Radloff V. V. The Samples of the Folk Literature among Turkish Tribes of the Southern Siberia and Dzungar Steppe. (in Russ.).

Rklickij M. V. About the Question of the Narts and Nart Tales. *The Bulletin of the Ossetian Scholarly-Research Institute of the Local Studies*. Vladikavkas, 1927. Issue 2. (in Russ.).

Rogal'-Levickij D. M. The Karachay Folk Song. *Music Education*. 1928. № 2. Pp. 53—57. (in Russ.).

Rogal'-Levickij D. M. The Singing Creativity of the Karachays. *The Soviet Art*. Moscow, 1928. № 3. (in Russ.).

Surazakov S. S. The Altaian Heroic Epic. M., 1985. (in Russ.).

Urusbiev S. A. The Tales about the Nart Heroes among the Tatarian Highlanders of the Pyatigorsk Circuit of the Terek Province. The Miscellanea of data for description of the regions and tribes of Caucasia. Tiflis., 1881. Issue 1. Dep. 2. Pp. 1—42. (in Russ.).

Urusbieva F. A. The Karachay-Balkar Folklore. Cherkessk, 1977. (in Russ.).

Urusbieva F. A. The Metaphysics of the Wheel. The Problems of the Turkish Ehtnic Origin. Moscow, 2003. (in Russ.).

Shanaev Dj. The Nart Tales. The Miscellanea of the data about Caucasian Highlanders. 1871. Issue 5. (in Russ.).

Shortanov A. T. “Narts” — the Heroic Epic of the Adygs. *The Nart Tales — the Epic of the Caucasian People*. Moscow, 1969. Pp. 188—225. (in Russ.).

Schukin I. Matters on the Studies upon Karachays. The Russian Anthropology Magazine. Moscow, 1913. № 1—2. Books XXXIII—XXXIV. Pp. 29—98. (in Russ.).

About the author

E-mail: tanzila@mail.ru

Tel: +7 (495) 697 13 89;

Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russian Federation;

PhD (Philology), the leading researcher of the Folklore Department, The World Literature Institute named after A. M. Gor'kij of the Russian Academy of Sciences.